

24. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою комиссиею: в 39 т. – Петербург: Тип. Главн. упр. уделов, 1915. – Т. 33: Литовская метрика: Отд. 1. Ч. 3: Книги публичных дел. Переписи войска Литовского. – Т. 1 / ред. С. Л. Пташский. – II, 1378 стб., 702 с.

25. Галенчанка, Г. Метрыка Вялікага княства Літоўскага / Г. Галенчанка, М. Спірыдонаў // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. З. Э. Герасімовіч. – Мінск: БелЭн, 2006. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – 792 с.

26. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. – Кн. 5: Книга записей (1427–1506) / [подгот. Э. Банионис]. – 402 с., 4 л. факс.

27. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – Кн. 8: Книга записей (1499–1514) / [подгот. А. Балюлис и др.]. – 708 с.

28. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – Кн. 10: Книга записей (1440–1523) / [подгот.: Э. Банионис, А. Балюлис]. – 178 с.

29. Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – Кн. 11: Книга записей (1518–1523) / [подгот. А. Дубонис]. – 227 с.

30. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. – Менск: ATHENAEUM, 2000. – Кн. 28 (1522–1552 гг.). Кніга запісаў 28 / падр. тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. – 312 с.: іл. 8.

31. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. – Менск: Арты-Фэкс, 2001. – Кн. 44: Кніга запісаў 44 (1559–1566) / падрыхт. А. І. Груша. – 229 с.: іл.

32. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. – Менск: Беларус. навука, 2003. – Кн. 523. Кніга публічных спраў 1 / падрыхт. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч. – 440 с.

(Дата подачы: 18.02.2016 г.)

Л. И. Мосейчук

Центр проблем развития образования БГУ, Минск

L.I. Mosejchuk

Education Development Center BSU, Minsk

УДК 947.6

ПОЛОЦКАЯ УНИАТСКАЯ СЕМИНАРИЯ: ОСНОВАНИЕ И РАСЦВЕТ

POLOTOSK UNIATE SEMINARY: FOUNDATION AND FLOURISHING

В статье анализируются эволюция учебной программы и административного устройства Полоцкой униатской семинарии с момента ее основания (1807 г.) и до 1823 г. Описываются бытовые условия, в которых жили семинаристы, и их численный состав. Рассматриваются источники финансирования семинарии.

Ключевые слова: семинария; униатское духовное образование; униатство; учебный процесс; система воспитания.

In this article there's in-depth analysis of the evolution of the curriculum and administrative organization of Polotsk Uniate Seminary since its foundation in 1807 and until 1823. There's a description of the conditions of seminarians' everyday life and their number in the educational establishment. Special attention is given to the Seminary funding sources.

Key words: Seminary; Uniate religious education; profession and practice of the Uniate Church; training process; system of education.

История становления и развития семинарского униатского духовного образования – тема, которая до настоящего времени еще не стала предметом специального рассмотрения несмотря на ее очевидную актуальность. В историографии можно выделить работы, в которых авторы (Д. Лисейчиков [6], В. Лявшук [8], М. Радван [3], Л. Свицерский [11], Т. Слива [4] и пр.) косвенно затрагивают указанную проблематику. Целью данного исследования стала реконструкция исторических событий, связанных с открытием, становлением и деятельностью Полоцкой униатской семинарии как самого значимого среднеспециального учебного заведения для униатской церкви в первой четверти XIX в.

Изменение геополитической обстановки, административное переустройство, массовый переход униатов в православие и римо-католицизм, увеличение латинизации в конце XVIII в. – начале XIX в. едва не привели униатскую церковь к полному исчезновению. Наиболее ревностные ее деятели хорошо понимали, что остановить окатоличивание и, в конечном итоге, сохранить сам церковный институт возможно только опираясь на хорошо подготовленное и высокообразованное духовенство. Поэтому в начале XIX в. резко обострились вопросы, связанные с образованием приходского священства.

В 1802 г. архиепископ полоцкий Ираклий Лисовский, фактически возглавлявший униатскую церковь в Российской империи, поднял вопрос о необходимости открытия духовной семинарии для детей белого униатского духовенства. По его замыслу, новое учебное заведение должно было стать «училищем для будущих униатских священников, чтобы они способствовали восстановлению греко-восточных обрядов на приходах и ограждали свою паству от фанатизма католических ксендзов» [4, с. 227].

Поиск источников финансирования семинарии стал для него ключевым вопросом. Удалось добиться решения российских властей (указ от 16 декабря 1806 г.) о передаче доходов от ряда монастырских базилианских имений на содержание епархиальной семинарии в г. Полоцке [9, л. 1–1 об.]. В указе подчеркивалось, что учреждаемая семинария должна находиться под руководством местного архиерея, которому предоставлялось право избирать ректора семинарии не только из среды белого духовенства, но и из монахов базилианского ордена [9, л. 7 об.]. Семинария, получив статус «частной епархиальной», должна была «состоять в точной зависимости от Главной семинарии, а потому и сходствовать с нею в способе учения и воспитании» [9, л. 4 об.]. Местом расположения семинарии определялся Полоцкий Софийский монастырь [10, л. 3].

7 января 1807 г. Ираклий Лисовский, к тому времени ставший митрополитом, получил указ об открытии в г. Полоцке семинарии [9, л. 8 об.]. Новый архиепископ Полоцкий Иоанн Красовский – единомышленник и продолжатель инициатив святителя – начал подготовку к открытию учебного заведения.

Первоначально на время ремонтных работ в монастырских зданиях семинария была размещена в архиерейском доме в д. Струнь в 5 км от г. Полоцка. В 1808 г. она была переведена в Полоцкий Софийский монастырь, в котором функционировала до 1812 г. [10, л. 2].

Впоследствии семинаристам и их наставникам приходилось несколько раз переезжать с места на место. Так, во время войны 1812 г. семинария переместилась в местечко Черствяты, где 12 октября и начался новый 1812/1813 учебный год [10, л. 3]. Однако новых помещений было недостаточно, и уже в начале 1813 г. семинария переезжает в м. Судиловичи [10, л. 6 об.].

В ходе битвы за г. Полоцк монастырь св. Софии и практически все постройки в д. Струнь были разрушены. В уцелевшей монастырской церкви размещались поочередно французский и русский госпиталь (до 1814 г.), а в самом монастыре (вплоть до 1816 г.) находились военные склады [10, л. 5].

Тем не менее уже в 1814 г. в части здания, освобожденного от постоя Полоцкого монастыря, разместилось первое отделение семинарии (философия и теология), отделение же риторики оставалось в местечке Судиловичи. Такое разделение продолжалось вплоть до 1820 г. [10, л. 8]. И только в августе 1821 г. все отделения семинарии были переведены в восстановленные довоенные здания [10, л. 3].

Первым ректором семинарии был базилианин Игнатий Бобровский (1807–1809) [225, с. 220]. Его сменил Венедикт Родзевич (1809–1812) [10, л. 10]. С 1814 г. по 1822 г. фактическое управление семинарией сосредоточилось в руках Иоанна Красовского.

Разработка учебного плана семинарии была поручена выпускникам Виленского папского Алузната магистрам богословия Венедикту Родзевичу, Иеремии и Кондрату Мальчевским [9, л. 11].

Первый устав, по которому семинария жила до 1811 г., был составлен архиепископом Иоанном Красовским в 1808 г. и утвержден митрополитом Ираклием Лисовским. Согласно ему в семинарию принимали священнических детей, которые должны были уметь читать на русском, церковнославянском и польском языках. Предпочтение отдавалось окончившим курс наук в светских учреждениях или получившим хорошее начальное домашнее образование. Большинство учеников принимали сразу во второй и третий классы. Семинаристы подразделялись на «фундушевых», которых обеспечивали за счет доходов с семинарских имений, и «своекоштных», за которых платили родители. Занятия начинались 15 сентября и заканчивались 15 июля [6, с. 466].

Надзор за семинаристами был возложен на ректора и профессоров, которым помогали цензоры. Отпуска в город разрешались очень редко и только в сопровождении товарища. Свидания с родными проходили только в здании семинарии и при свидетелях [7, с. 119]. К ученикам предъявлялся стандартный набор требований: они должны были быть благонамеренными, почтительными, послушными, скромными, аккуратными, исполнительными, религиозными, прилежными и т. п. Ученики должны были ежемесячно исповедоваться, следить за чистотой в своих спальнях и классах, в учебное время разговаривать на латинском языке [11, с. 322].

При семинарии были открыты физический кабинет и библиотека. Профессорам предоставлялось право, кроме семинарской библиотеки, пользоваться монастырской и частной библиотекой архиепископа Иоанна Красовского.

Обучение в семинарии было пятилетним и состояло из годовичных классов [3, с. 149]. Однако до 1809 г. в семинарии были открыты четыре начальных класса. Ученики в них назывались: *minimi incipientes*, *proficientes minores*, *proficientes majores* и *syntaktysy*. В первом классе изучались церковнославянская грамматика, катехизис, Ветхий и Новый Завет, церковный церемониал, арифметика, чистописание. Во втором классе добавлялись география и латинский язык [10, л. 5]. В третьем классе добавлялась история. В четвертом преподавались правила поэзии, география, теоретическая и практическая геометрия, архитектура, римская история, проповедь Горация и Вергилия на польском языке [10, л. 7 об.]. В 1809/1810 учебном году начинает работу богословский 5-й класс семинарии.

Ученики вставали в 5 часов утра, в 5.30 шли на молитву, которая по понедельникам, средам и пятницам читалась на латинском языке, по субботам – на польском языке, а по вторникам, четвергам и воскресеньям – на церковнославянском. После молитвы цензор семинарии шел с докладом о состоянии семинарии к ректору семинарии, а куратор в это время должен был осмотреть и проветрить жилые комнаты. До 6.45 семинаристы были свободны, после начиналась «читанная» литургия, которую семинаристы должны были слушать стоя без коленопреклонений и внимательно следить за всеми обрядами [202, л. 6]. По вторникам и четвергам, равно как в воскресенье и праздничные дни, проходила обычная литургия при активном участии учеников, которые прислуживали в алтаре и пели на клиросе.

Как видно из вышесказанного, литургии по вторникам и четвергам совершались специально для углубленного ознакомления учеников с обрядами восточной церкви [7, с. 193]. С этой же целью в воскресные и праздничные дни они должны были прислуживать на утрени и вечерне. По субботам семинаристы вместе со своими преподавателями присутствовали на акафисте. Семинаристы должны были исповедоваться каждый месяц и, дополнительно, в день своего рождения [11, с. 318].

По окончании литургии ученики завтракали.

В 8.45 начинались уроки, которые проходили до 12 часов. В 12 часов был обед. После обеда по вторникам и четвергам клириков водили на прогулку. В другие дни недели сразу после обеда до 14.00 аудиторы проверяли и «выслушивали» у семинаристов уроки [5, с. 34]. С 14.00 до 16.00 продолжались дневные занятия. Далее – каждодневная обязательная молитва. Время с 17.00 до 20.00 отводилось на подготовку домашних заданий. В восемь часов вечера семинаристы ужинали, а в 21.00 – ложились спать [11, с. 319].

Воспитанники получали по два комплекта верхней одежды: один для ежедневного употребления, второй – праздничный. Верхнее платье представляло собой зеленого цвета сутану с белым воротничком подпоясанную фиолетовым поясом. Богословы носили такую же одежду, только черного цвета. Ученикам как высшего, так и низшего отделений выдавали по две пары сапог, шелковый галстук, две шапки – теплую и летнюю, шинель – для младших из зеленого, а для старших из черного сукна, одеяло, две подушки и матрац из сена. Зимой выдавались кафтаны на вате и полушубки. Нижнее белье было из грубого домотканого холста [11, с. 329].

Довольно быстро Полоцкая епархиальная семинария стала популярной среди белого униатского духовенства. Возникла необходимость разработки нового устава, в котором более детально были бы проработаны взаимодействия педагогического коллектива и зафиксировано возросшее число учеников. В этой связи 2-м департаментом Римско-католической коллегии при участии архиепископа Иоанна Красовского в 1811 г. был разработан новый устав для семинарии.

Штат учеников определялся уставом в 50 человек, которые должны были содержаться за счет семинарии. Из 50 мест 40 выделялось для детей священнослужителей и 10 – для детей церковнослужителей. Все остальные воспитанники, «выразившие желание обучаться в семинарии и имевшие для этого необходимые знания», должны были содержаться за свой счет.

Согласно новому уставу семинария состояла из двух отделений: низшего с общеобразовательным 4-классным курсом и высшего – одногодичного богословского. При семинарии планировалось открыть школу для подготовки учеников к семинарии и школу ставленников. На общеобразовательном отделении преподавали шесть профессоров. В конце учебного года в присутствии членов консистории и приглашенных гостей сдавались так называемые «домашние экзамены». Кроме «домашних экзаменов» проходили и публичные экзамены, на которых обычно присутствовали епархиальный архиерей, руководство семинарии и представители светских властей [7, с. 119].

По окончании первых четырех общеобразовательных классов ученики разделялись. Лучшие семинаристы поступали в Полоцкую иезуитскую академию (с 1812 г. по 1820 г.). Часть их заканчивала двухгодичный богословский курс академии, а часть – только философское отделение, после чего направлялась в Главную виленскую семинарию (с 1808 г. по 1828 г.). Другие

поступали на высшее – богословское – отделение Полоцкой семинарии, заканчивали курс и назначались на лучшие приходы епархии [9, л. 59 об.]. Как первые, так и вторые по окончании образования назначались на должности профессоров в семинариях и/или руководителей духовных школ [11, с. 326–327].

Менее способные ученики по окончании четвертого класса проходили курсы богословия, церковного права, церковной истории, церковных обрядов (литургии) и занимали места священников во второстепенных приходах [11, с. 320].

Новый устав не менял сложившийся семинарский порядок. В нем лишь более детально были регламентированы пункты, касавшиеся учебного и педагогического персонала. Во главе семинарии оставалось правление в составе ректора, префекта, эконома и профессоров. Ведению правления принадлежали все стороны семинарской жизни. Учебной частью заведовал ректор, воспитательной – префект, а хозяйственной – эконом. Высшее руководство и надзор за семинарией принадлежали епархиальному архиерею. К нему на утверждение должны были направляться все распоряжения правления касательно семинарии [9, л. 10 об.].

В уставе было зафиксировано, что ректором семинарии может быть только духовное лицо, принадлежащее к белому духовенству. Ректора назначал епархиальный архиерей, после чего его кандидатуру утверждала коллегия. [11, с. 319].

Префектом мог быть и иеромонах. Его избирала семинарская корпорация профессоров, после чего он утверждался епархиальным архиереем [9, л. 10 об.]. Префекту предоставлялось право наказывать учеников в случае нарушения ими установленных семинарских правил [11, с. 326–327]. Ректор и префект следили за исполнением профессорами своих обязанностей, отпускали их в однодневный отпуск (на большее время увольнял епархиальный архиерей). Префект был обязан ознакомить семинаристов и преподавателей с составленными для них правилами [11, с. 327].

В отличие от прежнего устава (1808 г.), новый четко регламентировал права и обязанности преподавательского персонала. Особо подчеркивалось, что преподавателями семинарии могут назначаться светские или духовные лица, предоставившие свидетельство гимназии или академии о знании ими предмета преподавания [11, с. 321]. Профессора должны были помогать ректору и префектам осуществлять надзор за учениками и доносить об их проступках. За лень и неблагодарность профессора могли наказывать учеников самостоятельно. Практиковались и физические наказания. Ежедневное посещение богослужения составляло такую же обязанность профессоров, как и учеников. Профессора не имели права отпускать учеников в город. Исключение делалось только в том случае, если профессор лично сопровождал ученика. Перед началом учебного года профессора составляли конспекты своего курса. При этом они должны были руководствоваться

программами уездных училищ и Главной виленской семинарии. Конспекты утверждались епархиальным архиереем. Учителя-предметники должны были «соблюдать как можно большую простоту в объяснениях» и «утром задавать большие уроки, нежели вечером» [11, с. 326–327].

Преподавателями семинарии могли назначаться и базилиане, которые в таком случае должны были представить свидетельство орденского начальства о своих способностях. Кроме этого, правление семинарии «могло испытывать их до 3-х раз и более или заставить написать диссертацию» [11, с. 327].

По мнению Л. И. Свидерского, «задача епархиального архиерея состояла в том, чтобы как можно больше возвысить умственный уровень приходского духовенства и образовать достаточное число лиц, разделяющих вполне взгляды своего архипастыря» [11, с. 324]. Поэтому доступ в семинарию «открывался как можно большему числу желающих» [11, с. 321–322].

Увеличение количества семинаристов (с 15 человек в марте 1807 г. до 100 – в 1822 г.) потребовало расширения преподавательского состава. Если в первые годы в семинарии преподавали лишь три профессора: Кондратий и Аврелий Мальчевские и Венедикт Родзевич [11, с. 321], то в 1820 г. – 11 профессоров, 2 учителя – пения и обрядов и 1 духовник [3, с. 149].

С 1811 г. было увеличено учебное время на изучение церковнославянского и греческого языков. Все эти меры привели, по словам митрополита Иосифа (Семашко), к тому, что «семинаристы и духовенство Полоцкой епархии достаточно были ознакомлены с греко-восточным обрядом в богослужении, церковнославянским и русским языками» [13, с. 26].

Профессора, равно как вице-ректор и префекты, были обязаны следить, чтобы ученики в неучебное время разговаривали «на отечественном языке» [11, с. 327]. Это нововведение было своего рода новаторским в униатском семинарском образовании начала XIX в., поскольку все ученики духовных учебных заведений того времени, находящиеся под опекой иезуитов и базилиан, начиная с младших курсов, были обязаны разговаривать между собой в свободное от учебы время только на латыни [8, с. 134]. Исполнение данного правила жестко контролировалось, а за нарушение предусматривались наказания, вплоть до физических [8, с. 165]. В этой связи более вероятным представляется тот факт, что, введя в устав пункт «о использовании отечественного языка при свободном общении», архиепископ подчеркивал особое положение семинарии, тем самым постепенно уменьшая влияние образовательной иезуитской и базилианской традиций.

В 1821 г. Иоанн Красовский был отстранен от управления полоцкой архиепископией и, соответственно, семинарией. Новый ректор, базилианин Иосафат Войдак (1822–1838(?)), не являлся сторонником образовательной традиции, заложенной архиереями Ираклием Лисовским и Иоанном Красовским. Однако под давлением педагогического коллектива, сложившегося

в семинарии, вынужден был подчиниться распорядку, прочно вошедшему в повседневность учебного заведения [11, с. 301].

С 1823 г. в семинарии был установлен шестилетний срок обучения (три двухгодичных класса). Кроме богословских наук, преподавались и общеобразовательные предметы, соответствовавшие гимназическому курсу. В программу обучения были включены логика, психология, естественная история, сельское хозяйство и медицина. При семинарии начало работать трехклассное духовное училище [12, с. 359].

Однако пренебрежительное отношение епархиального руководства к семинарии привело к тому, что к 30-м гг. XIX в. она пришла в упадок. По словам Иосифа Семашко, проводившего ревизию семинарии в 1830 г., в ее стенах царили запустение, грязь и беспорядок [12, с. 557–576].

Таким образом, созданная по инициативе униатского митрополита Ираклия Лисовского Полоцкая семинария быстро стала ключевым учебным заведением греко-католиков Российской империи. Как неоднократно отмечалось в те годы представителями униатской церкви, выпускники Полоцкой семинарии выделялись среди прочих униатских священников детальным знанием «греко-христианской обрядности» и свободным владением церковнославянским языком, что наглядно подтверждает высокий уровень образования в учебном заведении. Работа семинарии в немалой степени способствовала предотвращению окатоличивания униатской церкви.

Список использованных источников

1. *Dukała, J.* Formacja alumnów diecezjalnych przez księży misjonarzy w latach 1675–1864 / *J. Dukała* // *Nasza przeszłość*. – 1996. – Т. 86. – С. 11–70.
2. *Kossowski, A.* Blaski i cienie unii kościelnej w Polsce w XVII–XVIII w. w świetle źródeł archiwalnych / *A. Kossowski*. – Lublin: Druk. «Narodowa», 1939. – 75 s.
3. *Radwan, M.* Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796–1839) / *M. Radwan*. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2004. – 504 s.
4. *Słiwa, T.* Kościół grekokatolicki w zaborze rosyjskim (1772–1815) / *T. Słiwa* // *Historia Kościoła w Polsce*. – Т. 2, cz. 1. – С. 219–235.
5. *Зубко, А. (архуен.)*. О греко-униатской церкви в западном крае России: (воспоминания архиепископа Антония) / *А. Зубко* // Семь проповедей синодального члена митрополита Литовского и Виленского Иосифа, говоренные при важнейших случаях служения, и о греко-униатской церкви в Западном крае России / *И. И. Семашко*. – СПб., 1889. – С. 31–88.
6. *Лисейчиков, Д.* Полоцкая (Белорусская) униатская духовная семинария / *Д. Лисейчиков* // Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / *Т. Е. Леонтьева* [и др.]; Департамент по архивам и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. ист. архив Беларуси. – Минск: Беларус. НИИ документоведения и архив. дела, 2009. – С. 466–467.
7. *Лужинский, В.* Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого / *В. Лужинский* // Православный собеседник. – Казань, 1884. – Май. – С. 29–43; Июнь. – С. 181–201; Июль. – С. 253–277; Октябрь. – С. 109–142.
8. *Лявчук, В. Е.* Организационные аспекты образовательной модели иезуитского коллегия / *В. Е. Лявчук*. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 239 с.

9. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 62. – Д. 83. О предложении Римско-католической духовной коллегии учредить в Полоцке духовную семинарию. 15.11.1806–10.02.1807 г.

10. РГИА. – Фонд 823. – Оп. 3. – Д. 1364. Дело о состоянии Полоцкой епархиальной семинарии. 1820 г.

11. *Свидерский, Л.* Иоанн Красовский, Полоцкий униатский архиепископ / Л. Свидерский. – Витебск: Губерн. тип., 1911. – 437 с.

12. *Семашко, И.* Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: [в 3 т.] / И. Семашко. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – 746 с.

13. *Семашко, И.* Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: [в 3 т.] / И. Семашко. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 2. – 786 с.

(Дата подачи: 19.02.2016 г.)

С. В. Мян'чэня

Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

S. V. Menchenja

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 94(476)''18/19''(=411.16)+351.761.1(476)(091)''18/19''

ЯЎРЭЙСКАЕ НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў СВЯТЛЕ ДАКУМЕНТАЎ КАМІТЭТАЎ ПАПАЧЫЦЕЛЬСТВА АБ НАРОДНАЙ ЦВЯРОЗАСЦІ (1897–1914 ГГ.)

THE JEWISH POPULATION OF BELARUS ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE COMMITTEE OF PEOPLE'S SOBRIETY (1897–1914)

Артыкул прысвечаны адлюстраванню вобраза яўрэйскага насельніцтва Беларусі ў дакументах камітэтаў папачыцельства аб народнай цвярозасці (1897–1914 гг.). Аўтар разглядае ўдзел яўрэяў у ажыццяўленні дзяржаўнай палітыкі па барацьбе з народным п'янствам, а таксама іх ролю ў арганізацыі тайных корчмаў і нелегальным распаўсюджванні алкаголю.

Ключавыя словы: папачыцельства аб народнай цвярозасці; таемныя корчмы; яўрэі; нелегальны продаж алкаголю.

The article is devoted to the reflection of the image of the Jewish population of Belarus in the documents of the committees of people's sobriety (1897–1914). The author considers the participation of Jews in the realisation of state policies to get rid of people's drinking, and their role in the organization of secret taverns and illegal distribution of alcohol.

Key words: committee of the people's sobriety; the secret taverns; Jews; illegal sale of alcohol.

Пытанне аб датычнасці яўрэйскага насельніцтва да распаўсюджвання звычкі спажывання алкаголю сярод славян мае глыбокія карані. Але калі ў цэнтральнай частцы Расійскай імперыі яўрэі стала не пражывалі, і дадзены тэзіс можна б было аднесці да міфалогіі, то на тэрыторыі былой Рэчы